

Чем отличаются друг от друга институты семьи в России и на Западе? Чтобы ответить на этот вопрос, позволим себе небольшой богословский и культурологический экскурс.

СФЕРА ЕСТЕСТВЕННОГО И ПРОСТРАНСТВО ИДЕАЛЬНОГО

Различия начинаются уже на самом раннем этапе, в первые века христианской эры. В IV веке Римская империя стала христианским государством усилиями Константина Великого и его преемников. Однако с конца V века имперские институты на Западе прекратили своё существование, уступив место многочисленным варварским королевствам. Христианский Восток и христианский Запад оказались в абсолютно разных политических и культурных ситуациях, что не могло не отразиться на отношении к институту семьи.

гласила своей целью не "симфонию" духовного и материального, а доминирование, примат первого над вторым. В отношении государства это у неё явно не получилось: римская католическая теократия так и осталась "в проекте". Зато в отношении семьи результаты были иными. Западное духовенство, в отличие от восточного, было безбрачным, практиковало целибат. Сам по себе этот факт многое объяснял в восприятии брака в западном христианстве, в оптике католического священника, находящегося не в далёкой "пустыне", а среди людей, живущих повседневной жизнью. Психологическое давление среды и необходимость сопротивляться ей неизбежно формировало весьма специфический, максималистский, взгляд на семью со стороны католицизма. В то время как на Востоке брак считался естественной данностью, а как на нечто сакральное, в буквальном смысле соответствующее концепциям апостола Павла о браке как союзе двух людей, подобном союзу Христа и церкви. В конечном итоге это видение брака

первичным социальным атомом общественной ткани, органично входящим в цеховую, профессиональную, корпоративную конструкции более высокого уровня. Отношения между мужем и женой в рамках такой конструкции были надёжны и прочны, однако это достигалось ценой ослабления других связей — между родителями и детьми, братьями и сёстрами, ближайшими соседями.

Протестантское мировоззрение, в основе которого лежала трактовка Завета с Богом через формальный, а не через содержательный аспект, то есть как договора, а не как союза между человеком и Создателем, также наложило свой отпечаток на семейные отношения. В дополнение к идее сакрализации семьи, восходящей к средневековому католицизму, под влиянием протестантизма получила широкое распространение концепция семьи как договора, которая оказала влияние на семейное право западных стран (широкое распространение брачного контракта, в котором

семейным отношениям, к ответственности, которая с ними связана. В то же время очевидна тенденция к разрушению, демонтажу семьи в западном социокультурном пространстве. Запад движется к новому тоталитаризму, не признающему никаких барьеров и преград. Семья постепенно разрушается, и уже в середине нынешнего века мы не увидим её в привычной для нас форме.

Традиционный христианский Запад исчезает из истории, и традиционная семья на Западе исчезает вместе с ним. На этом фоне принципиально важно, чтобы мы смогли взять всё по-настоящему ценное из того опыта, что накопила соседняя цивилизация, и не повторять её ошибок. В современном мире создание прочной семьи требует усилий, это сложный процесс, который не может идти на "автопилоте", как это было, к примеру, в русской общине.

С другой стороны, мы не должны вслед за Западом возводить семью в абсолют индивидуалистического эгоизма. В русском цивили-

страны. Возможно, за основу следует взять практики Новгородской Руси, где огромные северные пространства были покрыты сетью небольших, но непрерывно следующих друг за другом и образующих единую систему поселений. Интересны и модели пространственной организации поселений так называемого Бронзового кольца на Южном Урале, самым известным из которых является древний Аркаим, где также практиковалось нечто подобное.

В любом случае очевидно, что найти ключ к решению демографической проблемы и укреплению института семьи можно лишь на путях восстановления цивилизационных архетипов нашей жизни. Для этого критически необходимо расселение "антисемейных" мегаполисов, строительство новой "одноэтажной России", современных малых городов с высокотехнологичной инфраструктурой, современными видами транспорта и связи. Важно использовать и имеющиеся здесь резервы — от потенциала малой авиации, которая практически отсутствует сейчас в РФ как полноценный вид транспорта, до использования территорий, становящихся пригодными для ведения современного сельского хозяйства в условиях устойчивого повышения среднегодовых температур на значительной части территории нашей страны.

Важную роль играет и мировоззренческая составляющая. Возрождение семьи в России напрямую связано с сохранением и ростом религиозной идентичности народа, с восприяти-

СЕМЬЯ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ

Две стороны одного кризиса

На Востоке церковь стремилась воцерковить уже сложившиеся формы семейной жизни, базировавшиеся на римском праве. На Западе же церкви в значительной мере приходилось начинать с нуля, внедряя в массовое сознание представления о многоманном браке, казавшиеся самоочевидными, к примеру, для подданных Восточной Римской империи. В силу этих причин семья на православном Востоке оказалась в "пространстве естественного", на Западе — стала объектом своеобразной сакрализации.

Различия в подходах можно увидеть и сегодня на примере чинопоследования таинства венчания в православии и католицизме. В восточнохристианском варианте акцент делается на том, что брак соотнесён с природной, естественной стороной жизни человека. Авраам и Сарра, Исаак и Ревекка, Иаков и Лия, упоминаемые в чине венчания, отсылают ко времени не только до Нового Завета, но даже до Моисея. Это нечто такое, что воспринимается как данность, которую, безусловно, нужно защищать от порока, греха, скверны. Но это не феномен, принадлежащий к сфере сакрального. Семья лежит в сфере обыденного. Неудивительно, что в рамках этой концепции православная церковь всегда разрешала разводы из эконо- мических соображений к человеческой природе. Можно сказать и по-другому: естественные отношения между мужчиной и женщиной — они в принципе "слишком человеческие" и потому не в фокусе внимания восточного христианства. Перед нами крепкая семья, супруги жили счастливо и умерли в один день? Отлично, так и должно быть. В семье проблемы, лукавый внёс в неё разлад? Такое тоже бывает, моли- тесь, и Бог вам будет в помощь. И то и дру- гое — серьёзные, но не "топовые" темы. Это не история про то, как подвижник духовными очами узрел фаворский свет. И даже не про то, как православный император во главе своих легионов разгромил варваров. Истории про семью — это не истории про церковь или про им- перию. Это истории про жизнь, которая просто течёт своим чередом. С другой стороны, семья в Византии была органично интегрирована в сакрально-политическую вертикаль, она была частью общины, община — частью фемы, эконо- мически самостоятельного военно-админи- стративного округа, фема была частью импе- рии, империя была внешней оградой церкви.

В свою очередь западная церковь на рубе- же I и II тысячелетий христианской эры провоз-

передалось и обществу, которое, по крайней мере на словах, его разделяло.

Но у этой истории была и теневая сторона. Перенос отношений мужчины и женщины из "пространства естественного" в "пространство идеального" влёк за собой определённые изменения в восприятии женского начала в западном патриархальном обществе. С одной стороны, речь шла об идеализации, придании естественным отношениям возвышенного, духовного характера. Субкультура менестрелей и её апофеоз — культ Прекрасной Дамы стали итогом опыта "спиритуализации любви". С другой стороны, в западном религиозном искусстве началась эротизация женских образов, предвосхищая наступление эпохи Возрождения. Третьим вектором стала демонизация женщины, интерпретация женского начала как источника искушений, скверны и в конечном счёте служения дьяволу. Знаменитая "охота на ведьм" во времена инквизиции стала на этом направлении кульминационной точкой.

В каком-то смысле современный западный феминизм, в том числе в его самых радикаль- ных формах, можно рассматривать как прояв- ление той же самой тенденции, только с обрат- ным знаком. Не сумев удержаться на высокой планке семейных ценностей, Запад сегодня скатывается в их тотальное отрицание, объ- являя "репрессивной моралью" естественные представления о нравственности, добре и зле. Подобно тому как в Средние века шла охота на матриархальных ведьм, на современном Западе идёт столь же иррациональный репрессив- ный поиск "демонов патриархата".

ГОРОДСКАЯ АТОМИЗАЦИЯ И ОБЩИННАЯ СОБОРНОСТЬ

На различия в изначальной концепции се- мьи в восточном и западном христианстве на следующем этапе наложились и различия в социальной структуре русского и западного обществ. Эталонная западная семья форми- ровалась в условиях европейского города с его цеховыми и ресурсными ограничениями. Поговорка "Мой дом — моя крепость" имела в этих условиях не только символический, но и буквальный смысл. Город отвергал идею коллективного "мы", европейский горожанин был по своему восприятию скорее индивиду- алистом, чем коллективистом. Его семья была в каком-то смысле продолжением его самого,

регулируется не только статус личного иму- щества супругов, но и их права и обязанности, вплоть до регламента приготовления пищи и уборки жилища). Надо сказать, что и по сей день концепция семьи как договора остаётся базовой для консервативных европейцев и американцев.

Русская семья формировалась в условиях сельской общины, в которой земля делилась поровну между всеми наследниками. В этих условиях семья по определению не могла быть инструментом эгоистической конкурен- ции. Семейные связи были вписаны в систему других — родственных, соседских, дружеских.

Урбанизация, произошедшая в советский период, первоначально никак не повлияла на эту модель отношений, поскольку из-за дефи- цита жилого фонда переселявшиеся в город крестьяне попадали в коммунальные кварти- ры, жизнь в которых, несмотря на все очевид- ные неудобства, во многом напоминала об- щинный быт. Парадоксальным образом кризис советской семьи наступил лишь тогда, когда люди получили возможность переехать из ком- муналок в отдельные квартиры.

"Общинная матрица", внутри которой нахо- дилась русская семья, исчезла, а договорные модели, обеспечивающие прочность семьи западной, были неизвестны нашим соотече- ственникам. Безусловно, сыграло свою роль антирелигиозное воспитание и внедрение атеистической идеологии, что привело к раз- рушению религиозных основ семьи, её духов- но-нравственного фундамента.

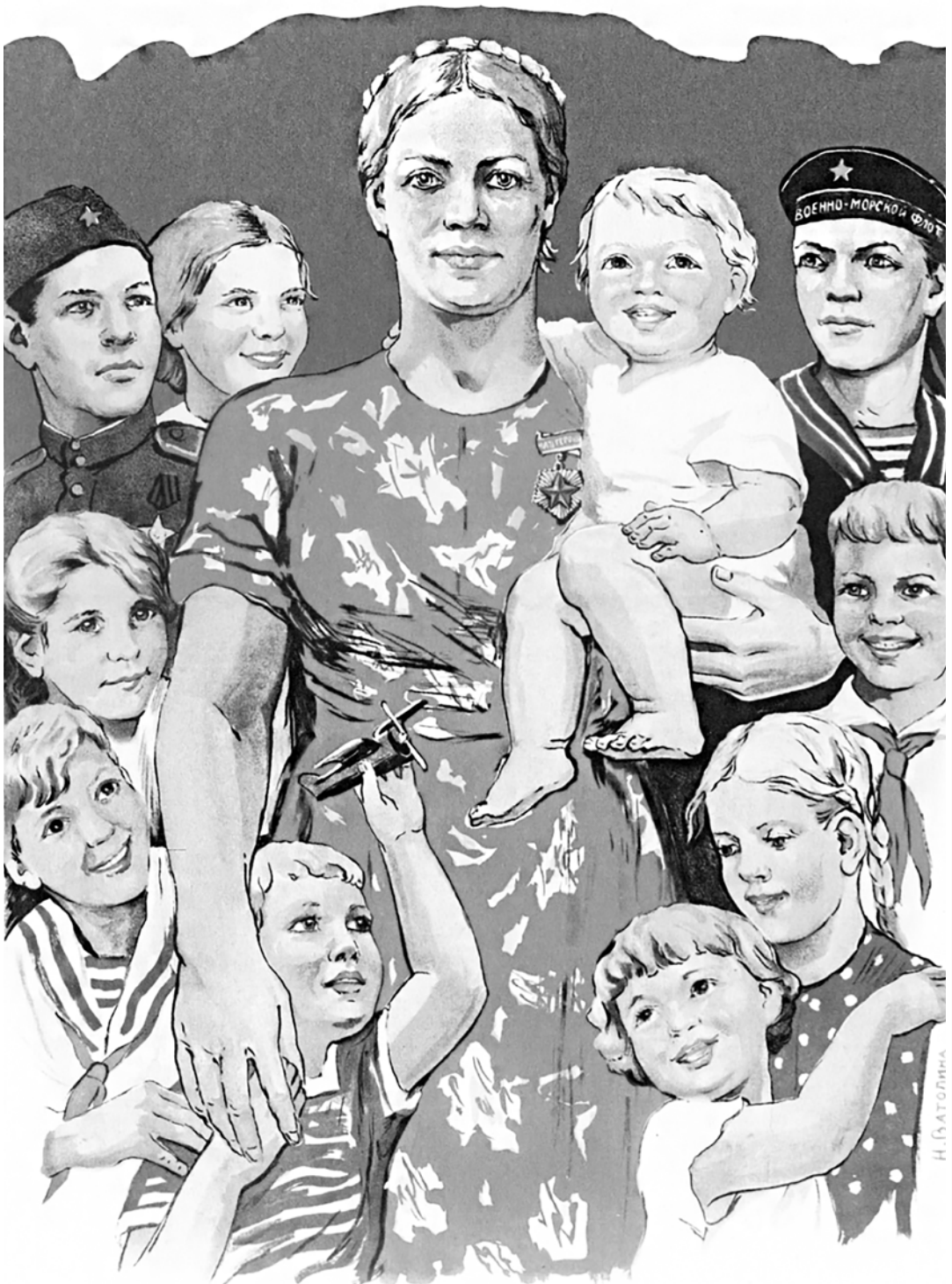
РАЗЛИЧИЯ В ГЛУБИНЕ КРИЗИСА СЕМЬИ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

Распад СССР и пришествие западных "сво- бод" нанесли ещё один серьёзный удар по основам русской традиционной семьи. Пред- принятые государством меры по поддержке рождаемости смогли приостановить этот про- цесс, но не повлияли на саму тенденцию. В настоящее время институт семьи в России на- ходится в глубоком кризисе, процент разводов и коэффициент соотношения разводимости и брачности являются одними из самых высоких в мире.

Вместе с тем существует и принципиаль- ное отличие между ситуацией в российском цивилизационном пространстве и ситуацией в западном мире. В российском контексте оче- видны кризисные тенденции в сфере семей- ных ценностей, однако никто, по крайней мере публично, не ставит под сомнение институт се- мьи как таковой (союз одного мужчины и одной женщины).

На Западе же, в силу определённой исто- рической инерции и хронологически относи- тельно недавнего отказа политических, дело- вых и культурных элит от поддержки семейных ценностей, семья кажется более устойчивой и стабильной. Однако события, связанные с продвижением третьей и четвёртой волн фе- минизма и сопровождающих их гендерных те- орий, ведут не просто к кризису института се- мьи в его традиционном понимании, но и к его полному, абсолютному разрушению. Согласи- тесь, что актуальный кризис семьи в России и перспективы полного уничтожения институ- та семьи на Западе, трансформировавшемся в пост-Запад, — это принципиально разные истории.

На протяжении веков семья была одной из фундаментальных основ западного общества. В каком-то смысле можно сказать, что тра- диционный христианский Запад держался на культе семьи. Инерция этого культа даёт знать о себе и сейчас. Возможно, даже сейчас люди Запада более серьёзно, чем мы, относятся к

«Слава матери-героине!» (1944). Художник Нина Ватолина

зационном пространстве социум — это семья семей, семья не замыкается в узкой области отношений супругов и их детей, а расширяется через многообразие родственных, дружеских, товарищеских, профессиональных связей. В нашем цивилизационном коде семья — это не конечная точка социализации, а, скорее, на- оборот, её начало.

В любом случае, для возрождения инсти- тута семьи в России востребована не столь- ко рефлексия на эту тему, но стратегические решения цивилизационного масштаба. Для этого, однако, необходимо восстановить ин- фраструктуру традиционной общности, сде- лать осознанную ставку на деурбанизацию, на смену пространственной парадигмы освоения

ем семьи в рамках особого ценностного ряда, связывающего человека, семью, общество и государство. Надо признать, что в условиях идущего с Запада мощнейшего антирелиги- озного тренда это далеко не тривиальная за- дача, которую сложно решить исключительно силами одних лишь традиционных конфессий. Очевидно, что это должно стать общена- циональной задачей, и лишь в этом случае по- явится надежда на то, что мы увидим в России "ренессанс семейных ценностей", пересборку института семьи на новых основаниях и с учё- том всё более усложняющихся драматических реалий XXI века.

Александр РУБЛЁВ

Новый номер (7/115) журнала "Изборский клуб" завершает публикацию цикла работ "Вопросы сталинизма". Начало цикла было представлено в номере журнала 6/114.

Свои работы представили Александр Проханов ("Цветы для генералиссимуса"), Валерий Коровин ("Неосталинизм — курс на империю"), Георгий Малинецкий ("Экзамен на самоорганизацию"), Максим Калашников ("Как устроено русское чудо"), Юрий Тавровский ("Китайская стратегия Кремля — от Сталина до Пу-тина"), Сергей Магнитов, Олег Матвейчев ("Основы педагогики Сталина"), Михаил Кильдяшов ("Откровение: Сталин и вопросы языка"), Анатолий Степанов ("Сталин как неизбежность"), Денис Ступников ("В поисках русского национального гения: Игорь Рас-терев, иеромонах Фотий, Shaman").

Юлия Черняховская в работе "Сталин как персонализация духа научно-технического романтизма" отмечает: "Западные эксперты полагали, что объём промышленности СССР сможет восстановиться за 20 лет. Сталин ставил задачу восстановить его к 1950 году. Уровень был восстановлен за два с половиной года — к 1948 году".

В номере также представлены авторские доклады Изборско- му клубу Александра Елисеева "Из материалов к 'Вопросам ста- линизма" и Сергея Баранова "Десять сталинских решений".

Рубрика "Библиотекарь" знакомит с книгами Натальи Нарочницкой "Украинский рубеж", Джульетто Кьезы и Екатерины Глушик "Запад. Приватизация планеты" и сборником работ чле- нов и экспертов Изборского клуба "Битва за будущее".

В рубрике "Стихия" представлено творчество Алексея Карелина.

Справки по телефону 8 (985) 256-91-24

Май 1964, Берлин, артисты Ансамбля песни и пляски ГСВГ Евгений и Вячеслав Поповы у Бранденбург- ских ворот

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК уникален. Своей судьбой, харак- тером. Но есть те, в ком особенность — глубинная, и этой их уникальности отдают дань все. Именно таки- ми — совершенно особенной стати и судьбы — являются братья Вячеслав и Евгений Поповы.

Начиная с далёкого 1971 года они занимают активную граж- данскую позицию. Высокопрофессиональные музыканты, они воспринимают людей через гармонию, звук, мелодичность. В общении с ними вам не удастся притвориться не самими со- бой. Они вас чувствуют, как музыкальное произведение.

В далёкие 70-е годы, работая в Симфоническом орке- стре Гостелерадио СССР и столкнувшись с несправедли- вым отношением к кадровой и репертуарной политике, они пожертвовали своей профессией в борьбе за достойное от- ношение к русской музыкальной культуре.

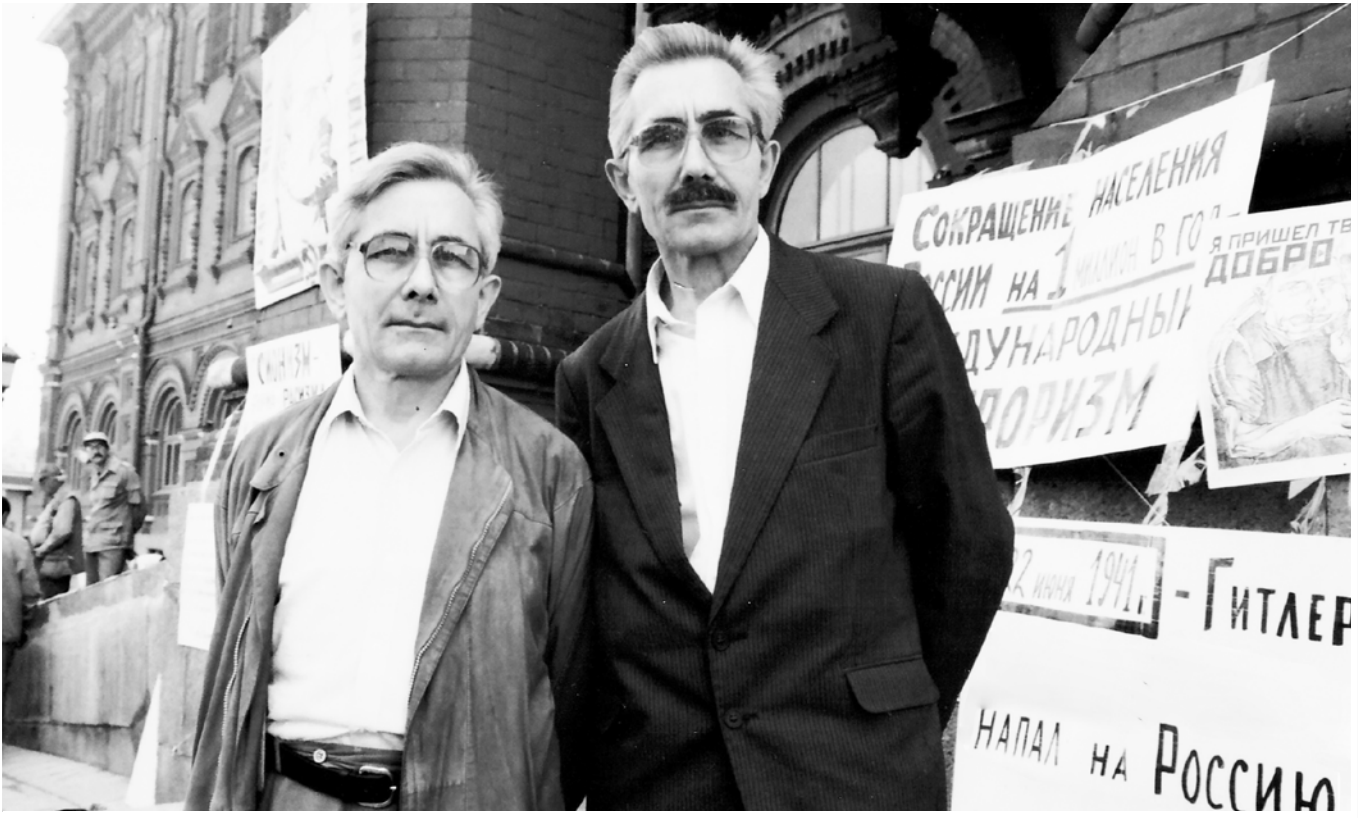
В дальнейшем братья Поповы — известные подвижники и летописцы патриотического движения в СССР и совре-

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Вячеславу и Евгению Поповым — 80!

менной Российской Федерации. Обладая стратегические мате- риальным, всегда критически относились к происходяще- му и всегда имели своё особое мнение. Авторы программ- ного аналитического материала (1981 г.), опубликованного в 2008 году под названием "Культура определяет политику".

Являясь соратниками академика Фёдора Григорьевича Углова, вели борьбу за трезвление нашего общества, рас-

Участники и организаторы постоянно действующих (с 1989 по 2005 г.) пикетов-митингов братья Поповы. Москва, музей В.И. Ленина. 2002 г.

пространя аудиокассеты и другие просветительские мате- риалы по данному вопросу. Оказали информационное влияние на отмену безумного плана переброски северных рек, а также на другие острые вопросы общественно-политической жизни.

Последние годы подвижнической деятельности посвят- ли сохранению и развитию Мемориала памяти защитников законной власти в октябре 1993 года, созданного на месте

массовых расстрелов защитников Белого дома. Там по- ставлен крест, установлены информационные стенды. Ме- мориал всегда в идеальном состоянии. И этот порядок — не результат заботы городских властей о месте гибели лучших людей страны. Это — дело братьев Поповых. Именно они взяли на себя эту миссию — обустроить святое место, ратное поле борьбы. Именно они на свои скромные пенсии обновляют стенды, фотографии, убирают территорию, а зимой разгребают снежные завалы (!) Деньги, отложенные ими на памятник родителям, потратили на обустройство Мемориала. Это их Бессмертный полк.

7 января у Вячеслава Владимировича и Евгения Влади- мировича был юбилей — им исполнилось 80 лет. Здоровья вам, дорогие наши друзья! Низкий вам поклон за ваш под- вижнический труд, необходимый всем нам.

Ольга НОВИКОВА